

Н. А. Хренов¹

СУДЬБА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕИ РОССИИ В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Смысл диалога, понимаемого в самом широком смысле, а именно — как диалог между культурами и цивилизациями, может быть постигнут лишь в том случае, если отдавать отчет в тех трудностях и противоречиях реальной истории, которые мешают его реализации. Попробуем подвергнуть осмыслению именно эти трудности и противоречия. Самой главной трудностью на пути установления диалога будут имперские амбиции, которые связаны не с диалогическими, а с монологическими формами коммуни-

кации, в особенности если речь идет о коммуникации между культурами и цивилизациями.

Трудности с утверждением диалогичности в отношениях между Россией и другими странами заключаются в том, что на рубеже XX–XXI веков русские сталкиваются не с одним вызовом, а как минимум с двумя. Первый вызов связан с распадом некогда огромной общности, составленной из разных этносов, наций и религий, и он оказывается реальным лишь в границах России. Что в этом процессе имеет позитивные характеристики, а что оборачивается негативными сторонами? До какой степени этот процесс позитивен, а когда он имеет продолжение как негативный? Будет ли этот процесс продолжаться или его можно заблокировать? И можно ли его заблокировать, если он подобен природному процессу? Если начать блокировать этот процесс, то можно вызвать к жизни более могущественные разрушительные силы, которые можно будет подавить уже не столько изнутри, сколько извне. Сегодня многое для этого делается.

Следует разобраться в том, что происходит внутри России. Есть ли какая-то другая сила, не связанная с оружием, которая бы скрепляла этнические и национальные организмы и с помощью которой можно было бы укреплять и солидарность, и идентичность людей. Прибегать к оружию — рискованное предприятие, но для выявления реальности идентичности весьма эффективное. Война позволяет укрепить чувство «мы» через противопоставление «они». В экстремальной ситуации мгновенно

¹ Заместитель директора по научной работе и заведующий отделом теории искусства Государственного института искусствознания (Москва), профессор кафедры гуманитарных наук Всероссийского государственного университета кинематографии, доктор философских наук. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. книг: «“Человек играющий” в русской культуре», «Кино: реабилитация архетипической реальности», «Зрелища в эпоху восстания масс», «Воля к сакральному», «Культура в эпоху социального хаоса», «Русский Протей», «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс», «Социальная психология искусства: переходная эпоха» и др. Член бюро Научного совета Российской академии наук «История мировой культуры», председатель Комиссии междисциплинарного изучения художественной деятельности при Научном совете Российской академии наук «История мировой культуры», член Союза кинематографистов России, член Союза театральных деятелей России, председатель выходящей в издательстве «Наука» серии «Искусство в исторической динамике культуры»; член Общественного совета по гуманитарным наукам при Комитете по образованию и науке Государственной Думы РФ, член Научной коллегии Научно-образовательного культурологического общества России.

всплывает сохраняющийся в бессознательном образ врага. Он обычно и является спланивающим людей средством. Здесь следует сказать: и спланивающим, и разъединяющим — одно является продолжением другого.

Если бы в XX веке существовало государство, которое воспринималось бы как империя, то на него мгновенно был бы спроецирован образ врага, настолько архаичной кажется в эпоху распространения демократии империя. Но что такое Советский Союз как не империя в современной форме? Его распад, естественно, происходил под аплодисменты всего мира. Он воспринимался очередным распадом империи в цепи уже распавшихся империй. Поэтому распад России на Западе приветствовался.

Однако во время аплодисментов не всегда осознается, что исчезновение образа врага в виде советской империи имело последствием угасание коллективной солидарности. Это проблема не только России, но и Америки, потому что исчезает образ врага. Понимая, что это удар по коллективной идентичности, Америка пытается найти новый образ врага в мусульманском мире. Здесь становится очевидным, насколько для поддержания идентичности необходим образ врага.

Распад российской империи и имперской идентичности — положительный факт. Все империи рано или поздно распадаются: французская, английская, австро-венгерская. Народы обретают собственную государственность, как это, например, произошло с Чехией после развала Австро-Венгрии. Некоторые прогнозируют дальнейший распад России, понимая под ней исключительно империю. Еще в XIX веке Н. Данилевский сформулировал априорное недоверие народов романо-германского мира по отношению к России. Доказывая эту мысль, он анализировал военные акции XIX века, всякий раз отмечая, что Европа редко бывала на стороне России и никогда ей не сочувствовала. По ее негативным реакциям о России начинал судить весь мир. Н. Данилевский полагал, что общественное мнение Европы враждебнее по отношению к России, нежели ее дипломаты¹. Именно поэтому оно поддержало войну против России и даже примирилось в силу этого с наполеоновской диктатурой. Это априорное негативное отношение к России возникает всякий раз, как только Россия вступает в войну. Это вытекает из установки, в соответствии с которой Россия как империя является колоссальным завоевательным государством, беспрестанно расширяющим свои границы и, следовательно, угрожающим независимости Европы².

И поскольку это так, то Россия априорно воспринимается «гасительницей» свободы. Поэтому всякий успех, расцвет или возрождение России Запад воспринимает как свое поражение. Но дело еще и в том, что в России Запад видит не только враждебное, но и самостоятельное начало, которое не

¹ Данилевский Н. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. М., 1991. С. 21.

² Там же. С. 24.

поддается ассимиляции. Россия существует как независимая и самобытная реальность. Когда читаешь у Н. Данилевского следующие строки: «Все самобытное русское и славянское кажется ей (Германии. — Н. Х.) достойным презрения, и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу цивилизации»³, то пугаешься того, как прозрения отдельных мыслителей способны опережать массовые катастрофы. Таким образом, отождествление России с империей в западном сознании надолго определило взаимоотношения между Западом и Россией и стало препятствием для установления конструктивного диалога.

Но Россия не сводится к империи, хотя следует признать, что имперская структура заметно определяла историю России в прошлом. К сожалению, она определяла ее историю и в XX веке. О трансформации старой империи в новую говорит Г. Федотов: «Для большинства из нас перекройка России в СССР, номинальную федерацию народов, казалась опасным маскарадом, за которым скрывалась все та же русская Россия или даже святая Русь»⁴.

Какие бы идеологические образы для маскировки имперской структуры (марксистские, коммунистические, социалистические и т. д.) ни использовались, Россия в XX веке продолжала демонстрировать имперскую структуру. Некоторые полагают, что именно это обстоятельство во многом и спровоцировало фашизм, в основе которого тоже был заложен имперский комплекс. Как писал И. Ильин, «фашизм возник как реакция на большевизм, как концентрация государственно-охранительных сил направо»⁵. Тем не менее даже Российская империя с Петра Первого не была только «тюрьмой народов».

Цивилизационная роль Российской империи по отношению к другим народам несомненна. В ее границах развертывалось просвещение всех народов, просвещение, как выражается Г. Федотов, «сияющее с Запада, хотя и в лучах русского слова»⁶. Но эта миссия России реальна не только для входящих в империю народов. Г. Федотов отмечает, что «вдоль западной границы русская администрация имела дело с более цивилизованными народностями, чем господствующая нация»⁷. Но история развертывалась дальше, и становилось очевидным, что империя — архаичская форма сосуществования, сдерживающая развитие духовного потенциала входящих в нее народов. Ведь, несмотря на то что эти народы были включены в империю, все же имело место определенное их развитие. Наступил момент, когда они потребовали большей самостоятельности, чем могла допустить империя. Но самостоятельности потребовали особенно те народы, которые к России были присоединены насильственно. Ведь каждая импе-

³ Данилевский Н. Указ. соч. С. 52.

⁴ Федотов Г. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1992. Т. 2. С. 316.

⁵ Ильин И. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. М., 1992. Т. 1. С. 75.

⁶ Федотов Г. Указ. соч. С. 31.

⁷ Цымбурский В. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007.

рия предрасположена к расширению своих границ. Это обстоятельство характерно для всякой империи, в том числе для российской. Имперский инстинкт, ощутив свободу, требует пространства для своей реализации. Воля к распространению в пространстве — закон существования империи в любой ее форме. Это обстоятельство явно не способствовало диалогу. Этот комплекс О. Шпенглер проиллюстрировал на примере Запада.

Настало время распада одной из последних в мире империй. Победа Советского Союза во Второй мировой войне способствовала укреплению и стабильности империи. Если рассматривать Россию как империю, то сегодня мы переживаем период ее «заката». Должен появиться новый Шпенглер, чтобы переписать идеи «заката», высказанные им после Первой мировой войны применительно к Западу, в соответствии с ситуацией в современной России. Наука не может на это не реагировать. Так, в работах В. Цымбурского развивается мысль о выходе из трехтысячелетней истории российской вестернизации с ее сверхзадачей «похищения Европы» и об осознании России как особого типа цивилизации с присущим ему архетипическим комплексом «острова». По сути, Россия возвращается в допетровскую Русь, то есть в XVII век¹.

Однако такой «закат» для России может быть болезненным, но не смертельным. Россия продолжит свое существование, даже если ее имперская структура исчезнет полностью и окончательно. Ведь империя — это только политическая структура, оказавшаяся в ситуации повсеместной в XX веке либерализации весьма архаической модели. Отомрет империя, отойдет в прошлое и структура государственности, которая в границах империи была вызвана к жизни. Эта структура государственности базируется на военной доминанте, необходимой для распространения своего влияния во всем мире. Такой импульс распространения — самое характерное, что питает империю и делает ее реальной силой. Однако психологический импульс империи реализуется лишь с опорой на военную силу.

Сегодня мы переживаем специфическую ситуацию — Россия преодолевает не только коммунистическую идеологию, на основе которой в XX веке формировалась коллективная идентичность, но и уходящий в историю имперский комплекс. Россия перестает быть империей. Таким образом, исчезает и идеологическая, и политическая основа коллективной идентичности, определявшей происходящие в России на протяжении десятилетий процессы.

В этом случае закономерно возникает вопрос: на какой другой основе будет разворачиваться взаимодействие между входящими в состав России народами? На какой основе будет культивироваться ее новая, соответствующая реалиям сегодняшнего дня коллективная идентичность? Не должна ли в этом случае возникнуть принципиально новая идентичность? Если она должна возникнуть, то на какой основе? Следующий весьма важный вопрос: это бу-

дет принципиально новая идентичность или она будет каким-то образом связана с предшествующим опытом в истории России? От разрешения всех этих внутренних вопросов зависит и судьба коммуникации России с другими цивилизациями.

В данном случае становится принципиальной потребность вновь осмыслить взаимоотношения государства и культуры. Здесь уже необходимо понять отношение коллективной идентичности не только с идеологией и государством, но и с культурой, преодолевающей сегодня дух модерна и возрождающей присущие ей консервативные установки. Если новая идентичность в России будет связана прежде всего с культурой, то эту идентичность не нужно будет конструировать заново, а следует выводить из традиции и из культуры в целом. В этом случае вся предшествующая история культуры может быть прочитана по-новому. Те установки по отношению к культуре, которые имели место в эпоху модерна со стороны государства, должны быть пересмотрены. Сегодня, в ситуации трансформации империи в тип цивилизации, культура должна быть соотнесена с потребностями цивилизации, а следовательно, должна сопротивляться прежнему подходу, когда она рассматривалась исключительно с точки зрения модерна, то есть с утилитарной и функциональной точки зрения. Она также может быть рассмотрена не во времени модерна, причившего к мышлению с помощью выделения в историческом времени кратких длительностей. Иначе говоря, просветительская установка, или установка модерна, по отношению к культуре сегодня заметно уступает романтической установке.

Является ли новая основа, которая может быть подведена под коллективную идентичность, принципиально новой, сконструированной политическими технологиями или же эта основа всегда была, но не осознавалась, а сейчас ситуация так складывается, что это необходимо осознать и понять ее потенциал? Естественно, эта задача требует усилий от гуманитарных наук. То, что мы называем идентичностью, возникает в силу стихий, которые в бессознательном народов уже существуют и требуют актуализации. Но когда идентичность возникает и утверждается, сама она уже оказывается способной формировать и поддерживать солидарность людей и народов.

Таким образом, первый вызов порожден внутренней для России ситуацией, а именно — распадом империи в ее новой, то есть большевистской, редакции. Этим можно объяснить критику, которой в последние десятилетия XX века подвергалась вся предшествующая политика и история России. Но такая критика должна быть конструктивной. Она должна предприниматься во имя выхода из имперского тупика. Освобождаясь от имперской идентичности, народы, населяющие Россию, могут объединиться под знаком другой идентичности. Эту новую разновидность идентичности необходимо назвать и осмыслить. Гуманитарные науки должны над этим работать. Ответов на многие вопросы пока не существует.

¹ Цымбурский В. Указ. соч.

Не успела обозначиться реальность первого вызова, как уже становится реальным второй вызов, связанный с опасностью растворения России в глобальной культуре. Этот второй вызов возникает в ситуации, когда еще не найден творческий ответ на первый вызов. В России многие еще пребывают в состоянии эйфории от развала того государства, которое здесь существовало несколько десятилетий. Того государства, которое функционировало тоже в форме вызова, правда, вызова внутреннего и поздно осознаваемого именно как вызов.

Однако распад государства еще не есть позитивное решение вопроса. Ведь следствием распада явилась социальная аномия, а она превратилась в новый вызов. Позитивного творческого ответа на него пока не найдено. Либерализация экономики и демократизация общественной жизни лишь усиливают смуту и, кажется, не являются творческим ответом. Видимо, этот творческий ответ необходимо связывать с чем-то другим. Таким образом, с середины 1980-х годов Россия оказалась в ситуации, в которой мир (города) пребывает уже с XIX века. В этом контексте была вызвана к жизни социальная аномия. Ее осмысление началось с помощью социологии (Э. Дюркгейм) и психологии масс (Г. Лебон). Эта новая ситуация требовала творческого ответа на социальную аномию как вызов.

Второй вызов связан уже не с внутренней ситуацией России. Однако от него во многом зависят и внутренние процессы. Этот второй вызов подстегивает необходимость в творческом ответе на первый вызов, под которым следует иметь в виду социальную аномию как следствие распада империи. Не успела Россия дать творческий ответ в виде упразднения имперской государственности и либерализации общества, что было продиктовано Западом и что, следовательно, следует признать верным, как Запад начал пропагандировать следующий проект, связанный с глобализацией, а следовательно, с большим взаимодействием между государствами и народами. Это, несомненно, конструктивный для реализации диалогических отношений между народами проект. Действительно, помехи в политической сфере устранены, и народам, наконец-то, пора объединиться. Холодная война закончилась, и появились перспективы для солидарности народов и для диалогической между ними коммуникации, к чему двигалась предшествующая история. Все закономерно и все оправдано.

Казалось бы, о каком новом вызове можно говорить? Однако все дело в том, что в реальности либерализация разворачивается в виде тотальной социальной аномии, способной привести к новой диктатуре, а глобализация как проект в его идеальном виде предстает чем-то сильно отличающимся от реальной глобализации или от реализации этого идеального проекта. Развертывающийся импульс «всеединства», который в России, как и на Западе, ощущают тоже как необходимость, о чем свидетельствует рефлексия В. Соловьева, угрожает идентичности существующих социальных и государственных ор-

ганизмов, их растворению в некоей бесформенной, анонимной общности (как следствие движения к глобальной культуре). Испуг от этого возможного растворения порождает панику, вновь ввергая мир в хаос. Причем опасность идет не от самого проекта «всеединства», а от тех сил, которые этим проектом могут воспользоваться в имперских интересах. Так в истории возникает новый, уже второй, вызов.

Таким образом, второй вызов связан с опасностью растворения России в глобальном сообществе. Эта опасность для России является реальной, ибо она еще не успела преодолеть социальную аномию, образовавшуюся после развала советской империи, а следовательно, не способна сопротивляться этому растворению. В принципе возникновение планетарного сообщества — позитивный процесс. Наконец-то реализуется утопия, которая возникла не вчера. Однако развертывание глобализации свидетельствует, что в реальности образование планетарной общности направляется в русло распространения влияния одной цивилизации, на наших глазах превращающейся в империю по типу некогда существовавшей Римской. Россия больше не претендует на империю и не демонстрирует имперское сознание. Зато фантом империи возникает в связи с Америкой. Это особенно отчетливо проявилось в период нахождения у власти Д. Буша.

Получается, что опасность исходит не от сути разворачивающейся глобализации, а от стремления некоторых цивилизаций навязать свои имперские амбиции остальному миру. В этом отдают отчет и западные исследователи. Так, Т. Фридман утверждает, что спонсируемая Америкой современная глобализация не является естественно начавшимся процессом. Она внедряется Америкой с помощью силы¹.

Сама по себе глобализация, идея которой исходит от Запада, не является негативным процессом, наоборот, она весьма позитивна и выстрадана человечеством. Ее идея привлекательна, и она может восприниматься составной частью того целительного света, который излучает Запад. Однако если присмотреться не столько к идеальному образу глобализации, сколько к реальности, то есть к тому, как она разворачивается, то мы не можем не зафиксировать противоречия. Ведь идею глобализации внедряет не просто Америка как прогрессивная страна, демонстрирующая образец разумного политического устройства, вызванного к жизни еще философом Просвещения, а Америка как новая империя с ее ярко выраженными имперскими установками и, соответственно, военными аппетитами. Тут, конечно, не до диалога. В этом случае идея глобализации в ее реальном воплощении демонстрирует абсурд.

На наших глазах произошел распад очередного «третьего Рима» в его большевистской редакции. Он не мог не произойти, поскольку империя была все же не той формой, которая позволяла раскрыть весь духовный потенциал каждого входящего в империю этноса, народа. Конечно, нельзя утверждать,

¹ См.: *Джонсон Ч. Немезида. Последние дни американской республики.* М., 2008. С. 136.

что это существование в империи имело исключительно негативные характеристики. Но если учитывать то, что внутри каждого этноса в империи имело место развитие, какой-то духовный прогресс, даже если признать, что это происходило под благотворным влиянием новой империи, то очевидно, что рано или поздно имперская структура (хотя как политическая структура она не обозначалась) окажется тесной и неудобной.

Так, в последние десятилетия XX века, то есть когда уже не было террора, характерного для сталинской эпохи, когда социализм обещал показать человеческое лицо, когда возникло специальное обозначение эпохи как «оттепели», этносы и народы ощутили не только потребность, но и возможность большей свободы. Это обстоятельство стало основанием для распада советской империи. Прав А. де Токвиль, утверждавший, что настоящие революции происходят не тогда, когда отсутствует свобода, а тогда, когда она начинает становиться реальностью¹. Тогда возникает стремление к тому, чтобы ее обрести сполна и целиком. Горбачевская перестройка с ее усеченной гласностью и стала таким «трамплином» для последующих реформ и сопровождающей эти реформы социальной аномии.

Очевидно, что глобализация — это хорошо. Но этот оптимизм может исчезнуть, так же как он исчез в начале XX века в связи с Первой мировой войной, накануне которой человечество, как никогда, начинало ощущать свое единство². Почему же прогрессивный процесс глобализации может обернуться негативной стороной? Потому что прогрессивность этого процесса соотносится только с сознанием. Бессознательное же этого процесса связано с активизацией традиционного имперского сознания. Дело в том, что в XXI веке логика глобализационных процессов разворачивается по модели Римской империи, то есть по программе, задаваемой одним государством и, следовательно, в интересах этого государства. Именно это обстоятельство приводит к сопротивлению глобализации, к пониманию того, что глобализационные процессы могут привести к разрушению национальной идентичности.

Вместо глобальной общности, в которой каждый народ способен раскрыть свой потенциал (что должно означать идеальное видение глобализации), нации и государства оказываются внутри имперской общности, только на этот раз империя приобретает беспрецедентные масштабы. Здесь невозможно провести аналогии с Россией. Единственная аналогия — это Древний Рим. Но Древний Рим, как только он стал претендовать на всемирную империю и начал реализовывать этот проект, утратил демократические завоевания. Кроме того, исходя из своей программы глобализации, новая империя все делает в своих интересах, в том числе организуя ряд «оранжевых» революций и используя отколовшиеся от советской империи территории для установки «зонты», предохраняющего от агрессии других народов. Если

Америка несет мир другим народам, то почему она ощущает опасность? Но нас меньше всего интересует судьба Америки. В центре нашего внимания — судьба России в ситуации двойного вызова.

Сегодня будущее России за океаном напрасно связывается с неизбежным возрождением империи. То, что Россия возрождается, Запад готов приветствовать. Но, с его точки зрения, возрождение России неизбежно произойдет в формах империи. Из этого заколдованного круга необходимо выйти нам самим и дать гарантию европейцам, что в России есть альтернатива империи.

В самом деле была ли Россия в своей истории только империей? С. Хантингтон пишет, что в конце XX века заканчивается история идеологий и начинается история цивилизаций³. Мир активно трансформируется, перестраивается. Рушатся традиционные идентичности и создаются новые. Что здесь является решающим? Какой принцип вынуждает распадаться старые общности и создавать новые? Сегодня народы обособляются, обретают самостоятельность и вновь объединяются по принципу принадлежности к той или иной цивилизации. Эта принадлежность в силу определенных причин в прошлой истории затемнялась. Предполагается осознание той разновидности идентичности, которая называется цивилизационной. Для России это актуальный вопрос, ибо идеологическая основа исчезла, но в ее составе остались десятки наций и этносов. Следовательно, все, что в России связано с империей, будет отпугивать. Хотя на уровне сознания идея империи ранее не формулировалась, но подразумевалась и способствовала отталкиванию других народов от России. В данном случае следует констатировать уязвимость гуманитарных наук, не способных разобраться в цивилизационных проблемах. И социального заказа со стороны государства на исследование этой проблематики тоже не было.

Тем не менее следует констатировать, что Россия уже несколько десятилетий находится в ситуации становления науки о культуре. Это произошло именно в России, а не в Америке, где в гуманитарных науках пока имеет место другая традиция — позитивистская. Истоки российской культурологии — в одной из научных парадигм, зародившейся на Западе в Новое время, — просветительской. Другой альтернативной парадигмой является романтическая парадигма. В разное время разные цивилизации обращались к этим парадигмам. Сегодня две цивилизации — Америку и Россию — разделяет именно несходство в отношении к этим парадигмам. Америка демонстрирует верность просветительской парадигме. Россия активизирует романтическую парадигму. Не отбрасывает ли это Россию в прошлое? Да, отбрасывает, но это позитивно. Сегодня цивилизационную идентичность Россия обретает только через выход из просветительской парадигмы. Для сознания русских характерен прорыв в более отдаленные эпохи истории. Она должна вспомнить свои византийские корни и время зарождения российской ци-

¹ Токвиль А. Старый порядок и революция. Пг., 1918. С. 144.

² Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. СПб., 1999. С. 434.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

византизма. Россия должна отречься от имперского комплекса и найти в истории подтверждение существования себя как типа цивилизации. Это задача всего комплекса гуманитарных наук.

Расхождение между российской и западной цивилизациями будет всегда, ибо, породившись в свое время с Византией и ассимилировав ее духовный потенциал, Россия тем самым стала альтернативой Западу, ибо альтернативой Западу была прежде всего Византия. Усвоив идеологию православия, Россия стала восприниматься на Западе в образе «еретика», который в последующей истории лишь видоизменялся, но никогда не исчезал. Как же мог не закрепиться за Россией такой образ, если им прежде всего была наделена Византия? «Реальностью был христианский мир, — пишет Ле Гофф. — Именно применительно к нему средневековый христианин определял и все остальное человечество, и свое место по отношению к другим. И прежде всего по отношению к византийцу. С 1054 года византиец считался еретиком»¹.

Образ русского как еретика сохраняется до сих пор. Конечно, давно уже забыто, что в западной истории завоевание в 1204 году Константинополя вызвало не меньше ликования, чем завоевание Иерусалима². Этот исторический «рубец» оставался в бессознательном не только Византии, но и России. Россия — просто другая реальность, и вовсе не потому, что не хочет и не может стать такой, как Запад, а потому, что это альтернативная цивилизация. Это обстоятельство раздражает американскую империю, не склонную видеть в провозглашенной ею глобализации никаких альтернатив. Россия останется такой, даже если ее политическая система будет соответствовать той, какую хочет видеть Запад, то есть демократической. Именно потому что это самостоятельный тип цивилизации, для которого поиск коллективной идентичности — перманентная проблема.

Нам ближе те точки зрения на Россию, которые осмысливают ее как тип цивилизации. Так, выступающий в последние годы с небанальными идеями В. Цымбурский склоняется к иной точке зрения. Он пишет: «Ошибочно ли рассматривать Россию как цивилизацию? Скажем так: описание в качестве цивилизации отвечает существенным признакам России и объясняет многие перипетии ее истории. В мировом географическом раскладе она занимает особую нишу, не перекрывающуюся с платформами иных цивилизаций и характеризующую самостоятельную государственную и геополитическую традицией, длящейся 400–500 лет. Об особенностях русского типа духовности написано более чем достаточно — как и о его связи через ряд секуляризирующих трансформаций с историей северной ветви православия в российских геополитических условиях — после упадка восточного христианства на его средиземноморской родине под напором ислама»³. Ха-

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 132.

² Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М., 2001. С. 41.

³ Цымбурский В. Указ. соч. С. 184.

актеризуя тип социальности в российской цивилизации, каким он предстает в последние 400–500 лет, исследователь отмечает основные признаки этой государственности: во-первых, исключительную роль государства как главного цивилизатора, во-вторых, конвергенцию культурных и политических функций, когда политические кризисы сопровождались кризисами самоидентичности общества.

Россия заимствовала у Византии не только религию и культуру, но и политическую структуру, а именно — империю, следовательно, и принцип взаимодействия составляющих византийскую империю разных этносов. Здесь приходится вернуться к вопросу о том, что в истории России существовала солидарность разных наций и народов, которая выходила за пределы империи и означала какую-то иную реальность.

Вопрос о специфической солидарности в России одним из первых поставил И. Ильин, когда пытался осмыслить западную установку на расчленение России. То, что Россия в имперских, сталинских формах распадется, Ильину было ясно уже в середине XX столетия. Удивительно, как то, что сегодня происходит, было предсказано И. Ильиным. По его мнению, в процесс расчленения России будет втянут весь мир. «Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейская, азиатская и американская) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в нововозникшие малые государства; они будут соперничать друг с другом, добиваться преобладания и “опорных пунктов”»⁴.

И. Ильин даже пользуется терминологией, которая сегодня у всех на слуху, называя расчленяемую Россию «гигантскими Балканами», которая может превратиться в источник войн и расадник смут. Ильину, когда он пишет эти строчки, еще неизвестно, что новая империя в начале III тысячелетия сделает с Балканами. Но если Россия сблизится с Балканами, то ее ждет та же судьба. Иначе говоря, расчлененная Россия станет неизлечимой язвой мира. Терроризм в его современных формах это подтверждает. Обращая внимание на опасность распада российской цивилизации, И. Ильин останавливается и на причинах необходимости такого расчленения. Для него эти причины связаны с внешними, а не с внутренними обстоятельствами. В качестве причины расчленения Ильин называет «застарелую вражду» западного мира к русской империи и восточному православию. «Мы знаем, что западные народы не понимают и не терпят русского своеобразия. Они испытывают единое русское государство как плотину для их торгового, языкового и завоевательного пространства. Они собираются разделить всеединный российский “веник” на прутики поодиночке и разжечь ими меркнувший огонь своей цивилизации.

⁴ Ильин И. Указ. соч. С. 255.

Им надо расчленив Россию, чтобы провести ее через западное уравнение и развязывание и тем погубить ее: план ненависти и властолюбия»¹.

Однако сегодняшний вызов в его глобальных формах (еще не в стихийных, а в новых идеологических формах, идущих от Америки) угрожает уже не России как империи, а России как типу цивилизации. Смута, в том числе в ее внутренних — индивидуальных и групповых — формах, затрагивает основополагающие механизмы выживания людей. Именно поэтому она и предстает как вызов. Это опасно. Мы не ощущаем различий между Россией как империей и Россией как типом цивилизации. Да и откуда нам ощущать и осознавать? Мы не разрабатывали теорию цивилизации со времен Н. Данилевского. Поэтому распад России как типа цивилизации мы тоже, как и на Западе, принимаем за распад России как империи.

С точки зрения всех либеральных теорий распад империи — явление позитивное. Поэтому мы пребываем в эйфории, в восторге от продолжающегося распада России, не ощущая, что распадается уже не империя, а цивилизация, что дух Танатоса овладевает нашим сознанием. И распад империи уже давно перешел в распад цивилизации. Загипнотизированные либерализмом, европейцы тоже не могут осознать разницы между империей и цивилизацией, приветствуя в России любой распад, в том числе и России как типа цивилизации.

Когда И. Ильин говорит о России не как о механизме, а как об организме, он подразумевает под ней тип цивилизации. Утверждая, что Россия является типом цивилизации, мы находим творческий ответ на первый вызов — на распад в России империи. Отказываясь от солидарности в ее имперских формах византийского происхождения, Россия в то же время сопротивляется растворению в имперской идентичности, ныне навязываемой всему миру Америкой. Но только в непростой современной ситуации ей следует определиться с идентичностью. Ведь вакуум порождает смуту и эксперименты с идентичностью.

Подсказку для понимания того, что сегодня происходит с идентичностью (и не только с российской, но и европейской и американской), дал С. Хантингтон, провозгласив эпоху столкновения цивилизаций, а значит, и нового объединения народов по цивилизационному принципу, а следовательно, и всплеска разъединения тех коллективных организмов, которые до сих пор определяли историю. Но объединение народов по цивилизационному признаку означает, что должна иметь место новая коллективная или, точнее, цивилизационная идентичность.

Что означает культивирование цивилизационной идентичности России? Ответ на этот вопрос заключается в существовании в истории двух альтернативных парадигм становления коллективной идентичности — просветительской и романтической. Если первая футуристична, обращена в будущее, то вторая пассеистична, то есть больше значения придает прошлому. Распад империи в России в конце XX века — это распад симбиоза между древними традициями и идеологией модерна, или просветительской парадигмой, весьма нечувствительной к этническим, религиозным и национальным элементам.

В заключение повторю: чтобы принимать участие в полноценной диалоговой коммуникации между народами, русские не только должны, но и обязаны осознать свою цивилизационную идентичность, способную утвердить солидарность входящих в состав России народов. Гуманитарная наука обязана помочь осознанию этого обстоятельства. Чтобы способствовать решению этой задачи, необходимо стимулировать разработку культурологических исследований. Но хотелось бы также, чтобы Запад перестал воспринимать Россию исключительно как империю. Он должен осознать, что имеет дело со специфической цивилизацией, язык которой необходимо понимать. Лишь это обстоятельство будет способствовать полноценному диалогу между культурами и цивилизациями в современном глобализирующемся мире.

¹ Ильин И. Указ. соч. С. 256.